

ПОЛЬ МАРТАН
И
ВОЛШЕБНАЯ ЛУПА

Жорж Александр Ваган

Жорж Александр Ваган Полю Мартану и волшебная лупа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42623702

ISBN 9785449678089

Аннотация

Действие происходит в Париже начала 80-х годов XX века. Четыре встречи главного героя романа Поля Мартана с волшебным миром происходят на фоне его взросления и в итоге охватывают всю его жизнь. Все события происходят в двух параллельных мирах: реальном для нас и реальном для тех, в кого мы с возрастом перестаем верить. Весь роман описывает борьбу зла с добром, но борьбу не на уничтожение, а на порабощение своей воле.

Содержание

Об авторе	5
Об этой книге	10
Пролог	15
Глава 1. ПОЛЬ	24
Глава 2. ВОЛШЕБНАЯ ЛУПА	45
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Об авторе

Родился я 21 декабря 1973 года в городе Тбилиси, столице Грузии, одной из республик тогдашнего Советского Союза, в семье, как часто принято называть в современной истории, диссидента Алика Арутюнова (1938–1978). Он был известным в СССР фотографом, оставившим после себя множество учеников, но, как мне теперь представляется, никакого особого диссидентства в нем не было, а было просто проявление свободного духа и воли, не столько противопоставление себя обществу, сколько отстаивание своих идеалов и невозможность поступиться ими. С такими людьми, зажатými обстоятельствами несвободы, близким бывает очень нелегко: ведь им приходится принимать на себя искры, вырывающиеся из огненной души...

Мой отец погиб, когда мне было 5 лет. Мать осталась с тремя детьми на руках. Я помню ее голодные обмороки... Вообще женщина тогда была беззащитна. Во-первых, существовала угроза, что государственные органы отберут детей, во-вторых, одолевал постоянный страх за ребенка в связи с опасностями, через которые неизбежно проходит подросток.

На жизнь нашей семьи большое влияние оказал человек, сыгравший важную роль в моей судьбе, – мой отчим Александр Барсегов. Приблизительно в двенадцатилетнем воз-

расте я прочитал несколько книг, которые, видимо, и определили мою судьбу: то были «Мемуары» Франсуа де Ларошфуко и его же «Максимы» – сборник афоризмов, составляющих цельный кодекс житейской философии. Видимо, от них я и подхватил вирус мизантропии и цинизма, мучивший меня всю жизнь и не оставляющий доныне. В тот же год я прочел и «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, где моим любимым героем стал спартанский царь Ликург.

Не могу сказать, что читал много, как дети из моего окружения, да и любовью к чтению не отличался, но тем не менее, благодаря Александру Барсегову, читал регулярно. Не было такого промежутка времени, когда я ничего не читал.

Вообще в формировании личности большое значение имеют наглядные примеры, которые, словно на фотографии, отпечатываются в памяти детей. Из огромного объема слов лишь несколько фраз поселяются в ней навсегда. Для меня такой памятной фразой моего отца стала: «Я последний монах правды».

Он ушел из нашей жизни, как бы выполнив до конца свою миссию: помог матери вырастить нас. И, как волки уходят в сторону от стаи, чтобы умереть, скончался вскоре после расставания с нашей семьей.

К тому времени я окончил Тбилисский машиностроительный техникум и переехал в Москву учиться бухгалтерскому учету и финансам в Плехановской академии народного хозяйства. Вскоре я оброс связями и мне один из моих

тбилисских знакомых предложил участие в его делах. То были простые торговые дела, и хотя они заняли короткий период моей жизни, все же человек, стоявший во главе, Паата Гагнидзе, вселил в меня уверенность, что я смогу добиться всего, если захочу. И действительно, вскоре я начал собственный бизнес, которым занимался до 2005 года. Я успел пожить три года в Милане, немного в Гамбурге...

А затем в моей жизни произошел резкий поворот. Слова Христа: «Кто хочет идти за мной, оставь всё и следуй за мной» – я принял со всей горячностью и, познакомившись с добрым болгарским епископом, остался помогать ему. То были три года работы в центре реабилитации людей, оказавшихся в тяжелых обстоятельствах – либо в результате пьянства, либо после освобождения из мест заключения. Оттуда я вынес один очень важный урок: всё, что действительно нужно людям, – это любовь, и они компенсируют ее нехватку чем могут. Но за эти три года мои дела пришли в такой упадок, что вскоре я сам стал нуждаться, как и мои подопечные.

Моя жена и пятеро детей тем временем жили в Париже, куда епископ Московской церкви пригласил меня в качестве будущего священника. Нам выделили дом, и поначалу все шло хорошо, но затем я вынужден был оставить семинарию. Как Иосифу, чтобы стать первым после фараона, пришлось покинуть семью, хоть и не по своей воле, так и нам пришлось начать скитаться. Друзья, кто как мог, оказывали нам гостеприимство. Наконец, мы чудом попали сперва в дом грека

Афанасия, который проявил не виданную мною доселе доброту, а затем и в саму Грецию, где я познакомился с человеком, который принял мою израненную семью и меня как собственных детей и оказал нам всестороннюю помощь.

Это был архимандрит Дионисий. Вокруг него я увидел множество людей, чьи судьбы возрастали в добродетели и цвели словно райский сад. Главный принцип, который я усвоил: всё, чего от нас ждет Бог, – это чтобы мы были счастливы, а дела наши должны быть естественным продолжением наших добрых побуждений. «Не жертвы хочу, но милости». И вот тогда я начал сочинять сперва маленькие притчи, затем истории... и сам не заметил, как вдруг сочинение книг стало моим основным делом...

О Тбилиси, моем родном городе, я скажу, что называю его Парижем Кавказа. Это и вправду так: платаны, парки, набережная роднят эти два города. Когда я переехал в Париж, то почувствовал, будто это мой родной город. Я жил какое-то время на улицах Санжер и Консейе Коллиньон.

Одним из главных писателей для меня стал Монтень. Он как бы завершил круг формирования моих мыслей, по крайней мере на нынешнем этапе жизни, за что я ему очень благодарен. «Я живу со дня на день и, говоря по совести, живу только для самого себя». Сообразно этому взгляду, Монтень считает самыми важными обязанностями человека обязанности по отношению к самому себе; они исчерпываются словами Платона, приводимыми Монтенем: «Делай свое дело

и познай самого себя». Могу лишь добавить: и полюби самого себя, ибо кто не любит себя, как полюбит другого?..

Об этой книге

В знаменитом романе польского писателя Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе» я встретил такую мысль: человеческое сознание есть сумма накопленных впечатлений, чем больше их у него, тем оно сложнее и богаче и способно выстроить свою историю в самой замысловатой форме. К этому я добавил бы, что при определенных условиях конкретные люди место и время могут стать ингредиентами будущего «большого взрыва», и когда они достигают критической массы, происходит то, что случилось со мной, когда я взялся за написание сказочного романа о рождественских приключениях Поля Мартана.

«Поль Мартан и волшебная лупа», «Поль Мартан и Орден Вифлеемской Звезды», «Поль Мартан и корона семицарствия», «Поль Мартан и кольцо рыбака» – это четыре рождественские истории, случившиеся с главным персонажем в течение его жизни. Повествование начинается в последний учебный день уходящего 1973??? года, когда Полю было 11 лет, и доходит до наших дней.

Первой книгой романа о приключениях Поля Мартана стала «Волшебная лупа». Почему так произошло, и что это такое – волшебная лупа?..

Иногда в нашей жизни случается некий разговор, который, словно камешек кремния, высекает искру, от которой

возгорается пламя. У меня семеро детей, и я учил их всех быть открытыми миру, приложил усилия для того, чтобы они знали множество языков.

Русский, который является обиходным в нашей большой семье благодаря кузенам и кузинам, бабушке и дедушке.

Французский, который для наших детей является родным.

Греческий – потому что именно с Грецией связано имя главного человека в нашей жизни, который внес новый дух в наше существование, – архимандрита Дионисия.

Немецкий – потому что одной из ближайших его сподвижниц является аббатиса Диодора. Это необыкновенная женщина, и данью уважения и любви к ней стало изучение некоторыми моими детьми ее родного языка.

Грузинский и армянский, которые являются моими родными языками.

Конечно, знание такого количества языков не может не привести к курьезам и затруднениям, особенно в возрасте среднего поколения моих детей – Александра и Христугенны (Геннадия). Он сам выбрал себе это имя, и мы в семье его так и зовем. А слово это в переводе с греческого означает Рождество. И кто знает – может быть, именно его выбор и стал подлинным истоком этой книги. Как бы то ни было, на Рождество 2016–17 года дети написали письма Пер-Ноэлю с просьбой о подарках. И вот как-то вечером, когда мы со старшими детьми обсуждали их просьбы, жена – мой

ангел, моя Муза и главная вдохновительница моего творчества – вдруг заявила: «Чтобы разобрать письма Александра и Христугенны, Пер-Ноэлю потребуется волшебная лупа». Пьер, мой второй сын, который послужил прообразом брата главного героя книги, был тогда выпускником лицея. Он подхватил эту мысль, а затем мы с Тиграном (прообраз Поля Мартана) развили ее и набросали короткую историю, ставшую эскизом ко второй главе книги, – историю гномов. Снова мы о ней вспомнили перед началом лета, когда Пьер собрался покорять Голливуд. И вот перед отъездом мы с ним составили на двух листах некий проект под названием «Волшебная лупа».

Пьер провел в Америке все лето, путешествуя и знакомясь с самыми разными людьми из мира кинематографа. Один из них посоветовал ему написать и издать книгу, а уж тогда он точно найдет того, кто захочет снять по ней фильм. Но по возвращении во Францию Пьер поступил в университет Страсбурга, и времени писать у него совершенно не осталось. Я несколько раз напоминал ему: мол, раз ты обещал, то должен написать. И однажды он вдруг сказал мне: «Папа, а напиши-ка ты сам эту книгу, у тебя получится».

Тут же мы с ним составили новый план и за основу книги решили взять историю жизни самого Пьера и моего старшего сына Тиграна. Почти все события и диалоги почерпнуты из реальной жизни нашей семьи. А в образе главного положительного героя Пер Николая Ноэля я представил чер-

ты старца Дионисия. То, что мне удалось получить от общения ним, я передал в беседах с Пер-Ноэлем гостей рождественского дворца. А в образе отрицательного персонажа Ария, который, как и Святой Николай, является исторической фигурой, известной во французском фольклоре под именем Пер-Фуэтара, также использованы характеристики и разговоры реального человека, с которым я знаком...

Для чего пишутся книги?.. Наверно, для того чтобы через время и расстояние пронести образ вечности, ждущей нас за пределом жизни. Я попытался в форме притчи поделиться тем, что видел и понял в этой жизни: что победа не всегда приносит счастье, а поражение на самом деле бывает подлинной победой. Тем, что людей объединяет и в то же время разделяет язык, когда они разный смысл вкладывают в слова о счастье, любви, дружбе... Попытался сказать о том, что не нужно бояться правды, как бы ни была тяжела она и последствия ее. О том, что ложь всегда лишь ложь и вредна тем, что человек перестает воспринимать истину, теряет вкус к ней... О том, что зло борется с добром, но добро не принимает его игры, а просто превращает его в благо, и злодей сам оказывается в яме, вырытой для других...

Книга многое оставляет недосказанным. Я намеренно не изображал во всех подробностях каждое из приключений, рисуя их как бы пунктиром, чтобы оставить место для фантазии читателя. В то же время на страницах книги я затрагиваю немало глубоких фундаментальных вопросов, а создав

конфликт, стараюсь показать и пути его разрешения – предполагая, что для мыслящего человека чужая история может стать частью собственного опыта. Кроме того, надеюсь, мой сказочный роман даст множество тем для совместных семейных обсуждений, поэтому рекомендую его читателям любого возраста.

Эта сказочная история учит любви, дружбе, верности... А также тому, что имеет смысл не только задавать вопросы, но и выслушивать ответы на них. Так пусть же рождественская радость и праздничное настроение поселятся навсегда в душах тех детей и взрослых, которые прочтут эту книгу.

Пролог

Ранним утром из леса вышел олень. На спине у него сидел мальчик. Перед ними лежало большое белое поле, на другом конце которого виднелась чёрная линия залива. На небе сверкало разными цветами северное сияние, зелёное, с фиолетово-синими и золотыми переливами. Вся эта небесная картина отражалась на снегу, так что было трудно различить, где небо, а где земля.

Было видно, что олень что-то напряжённо ищет на раскинувшейся перед ним картине, когда рябит перед глазами, – недостающий фрагмент пазла. Наконец, нашёл:

– Вот он! – воскликнул олень.

– Кто? – спросил мальчик.

– Видишь, на той стороне поля, чуть правее, светится домик?..

– Да тут всё светится!

– Смотри на чёрную линию берега – видишь?

– Вижу, – ответил мальчик.

– Посмотри на неё прямо перед собой, теперь чуть-чуть правее...

На линии стоял маленький, еле заметный рыбацкий домик, из трубы его вился лёгкий дымок.

– Мы у цели!

Олень сделал затяжной прыжок с холма, где кончался лес,

так что мальчику показалось, что они летят, и понёсся через бескрайнее поле. Очертания домика становились всё чётче. Вот уже стали видны два окошка, из которых лился тёплый золотой свет. Ещё немного, и поле оказалось позади, а лес тёмной зелёной линией виднелся на горизонте. Перед путниками открылся красивый, как будто стеклянный залив, и вот перед ними невзрачный приземистый домик. Мальчик попытался разглядеть что-то в замёрзших окнах, но ему это не удалось. Олень наклонился так, чтобы его седок мог спуститься. Мальчик лихо спрыгнул с лохматой спины и очутился перед дверью. Деревянная пыльная дверь, доски которой плотно стянуты кованым железом. Над дверью висели бубенчики, которые, мелодично переливаясь, звенели на ветру. «Видимо, это для того, чтоб в снежную бурю можно было её отыскать», – подумал мальчик.

Олень подтолкнул его носом в плечо и подбодрил:

– Ну же, смелее.

Мальчик постучал в дверь – и услышал голос:

– Войдите.

Он надавил рукой на дверь – но она не поддавалась. Тогда он изо всех сил толкнул её обеими руками и – влетел внутрь. По пути споткнулся о заснеженный порожек и, как на лыжах, проехался по скользкому полу.

– Снеговик, снеговик! – слышались голоса и дружный смех.

Мальчик не мог оторвать глаз от пола, ноги так и разъезжались в разные стороны. Но вот он ухватился за шею вошедшего вслед за ним оленя.

– Ох, я еле удержался, чтобы не упасть!..

Мальчик оглянулся, и перед ним предстала удивительная картина: он оказался в просторном зале. Со всех сторон на него смотрели гномы в разноцветных кафтанах. Они все катались по полу от смеха и повторяли:

– Снеговик, снеговик!..

«О ком это они?» – подумал мальчик, но никого, кроме оленя, рядом не было. Тогда он понял, что это его имеют в виду гномы: за время пути снег настолько плотно облепил мальчика, что он и вправду походил на снеговика.

– Я не снеговик, – произнёс он вполголоса.

Послышался лёгкий хлопок, и все стихли.

– За работу! – раздался громкий голос.

Мальчик понял, что это кто-то важный – похожим голосом подавал команды полицейский, который регулировал движение на улице возле школы.

На другом конце зала показался солидный полный гном в расшитом золотом бархатном голубом кафтане и с длиннющей бородой. В руках у него была золотая трость, которой он стукнул два раза по полу, и гномы приступили к работе.

Гном внимательно посмотрел на оленя, потом на мальчика и кивнул головой, давая им знак приблизиться. Мальчику чем ближе, тем более заметны были детали гномьего костюма: из-под длинной бороды на животе сверкал серебряный пояс, на котором изображалась звезда, башмаки с закруглёнными носами были усыпаны зелёными и синими камнями.

Когда идти до гнома оставалось шагов десять, он сделал знак рукой, и олень с мальчиком остановились.

Мальчик было подумал, что они пришли куда-то не туда, но гном прервал его мысли:

– Кто вы, и что привело вас к нам?

С того момента как мальчик оказался в холле, увиденное заставляло его широко раскрывать глаза. Величина холла во много раз превосходила размеры домика, в который они входили! На потолке висела звезда вроде тех, что рисуют на рождественских открытках, продающихся в киоске на авеню Моцарта, вокруг неё светились двенадцать люстр в виде знаков зодиака. Мальчик сразу их узнал: они распо-

лагались в том же порядке, что и на потолке в его спальне. От избытка впечатлений у него язык прилип к нёбу, и он ничего не мог сказать.

– Как вас зовут, молодой человек? – более мягким голосом обратился к нему гном.

Мальчик попытался ответить, но язык по-прежнему его не слушался. Он посмотрел на оленя. Тот, видимо, понял состояние мальчика и ответил за него:

– Обстоятельства, не терпящие отлагательства, привели нас сюда.

– Не терпящие отлагательства... – пробурчал в бороду гном. Немного подумав, сделал знак рукой, и два молодых гнома вышли из-за его спины. Они улыбались. – Эй, Элли и Колли, проводите наших гостей к камину, пусть согреются. И накормите досыта. Но не докучайте им, – предупредил гном и строго посмотрел на них сквозь сверкающие стёкла своих очков. – Я доложу о вас, – обратился он к оленю уже менее официальным тоном. Затем ловко развернулся на каблуках и удалился прочь из зала.

– Следуйте за нами, – одновременно произнесли Элли и Колли, и они все вместе зашагали в глубь зала, в сторону созвездия Тельца.

Они подошли к большому, с человеческий рост, камину, в котором весело играл огонь, как будто кто-то скачет. Рядом стояли в беспорядке разные кресла и диваны. На полу лежал громадный толстый шерстяной ковёр.

Мальчик уселся поближе к огню в удобное велюровое кресло, оно стояло ближе всех к камину, и тогда ноги, спина и всё его озябшее тело почувствовали ни с чем не сравнимое удовольствие от встречи с ласковым, до косточек проникающим теплом.

Олень устроился рядом на ковре, протянув копыта к огню. Гномы, понимая, что гости устали, дали им насладиться теплом и покоем, стояли неподалёку и молча ждали.

– Горячего молока и мёда! – послышался голос оленя.

Мальчик открыл глаза, и тут же одним прыжком перед ним очутился один из приставленных гномов:

– Молодой человек, а вы чего бы хотели?

– Я?.. – смущённо переспросил мальчик. Ведь он никогда ещё в жизни не разговаривал с гномом. Задумался, но так ничего больше и не сказал.

– Всё понятно, – ответил ему с улыбкой гном, и оба гнома исчезли в маленькую дверь справа от камина.

Мальчик посмотрел на оленя. Золотом светилась его шерсть, величественные чёрные рога с заострёнными, как ножи, белыми концами венчали гордую голову, переходящую в широкую мощную шею и затем в спину, за которую всю ночь держался мальчик.

Дверь у камина вдруг раскрылась, и из неё вышли знакомые гномы. На серебряном подносе, который держал в руках один из них, стоял сверкающий хрустальный кувшинчик с молоком, от которого поднимался пар. Рядом стояла золотая миска и деревянный бочонок с мёдом.

Гном направился к оленю. Из-за его спины вышел второй гном, держа в руках такой же поднос. На нём стояла большая кружка с горячим шоколадом и свежими булочками, а также горшочек с маслом. Первый гном ловко подхватил другой рукой стоящий неподалёку столик и подвинул его к креслу мальчика. Аккуратно поставил на него поднос и пожелал:

– Приятного аппетита!

– Спасибо, – ответил мальчик.

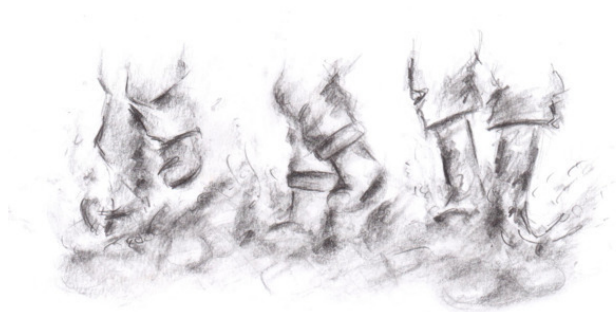
– Мы будем здесь поблизости, просите всё, что вам нужно, и все ваши просьбы будут исполнены.

Гномы вежливо поклонились и удалились в ту же дверь, из которой вышли.

Олень, не отрываясь, пил молоко из золотой миски. Было заметно, что он очень устал. Мальчик тоже принялся за еду. О, что за дивный момент, когда ты так голоден, и вдруг мягкая, нежная, пропитанная кремом булочка попадает в твой рот и касается языка. Кажется, что её соки впитываются во рту, не попадая в живот, и тёплый шоколад добавляет аромата и наполняет счастьем всё тело.

Мальчик наслаждался едой, а когда он утолил первый голод, ему захотелось рассмотреть место, куда он попал...

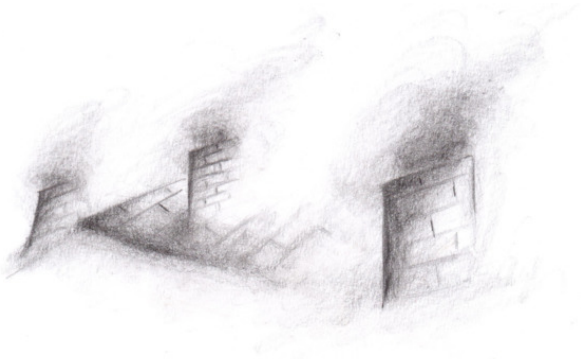
Глава 1. ПОЛЬ

Был ясный декабрьский день. Запах дыма от каминов смешивался с ароматом свежеиспечённых багетов, кофе и горячего шоколада. Утренний обильный снег, что падал большими хлопьями всё утро и, казалось, надолго засыпал город, уже почти весь растаял и струился ручьями вдоль тротуаров, журчал по брусчатке. Улицы, ведущие к площадям Ля Мюет и Пасси, в такое время дня полны людей. Дети, озорничая, шлёпали ботинками по лужам, да так, чтобы сверкающие на солнце алмазные брызги попадали на прохожих. Родители раздражённо дёргали малышей за руку, но детство невосприимчиво к взрослому благоразумию и стремится всегда к радости прямым путём, несмотря ни на что.

Большие деревянные зелёные ворота школы на улице Рей-

нуар ещё не открылись, родители толпой по обе стороны улицы ждали своих детей. Они всегда приходили чуть раньше, чтобы пообщаться между собой. Тут был своего рода клуб, где узнавали последние новости, договаривались, кто к кому придёт в гости. Многие родители были хорошо знакомы, потому что когда-то сами здесь учились. А так как учителя знали их ещё детьми, то все они вместе: родители, дети и педагоги – составляли как бы одну большую семью. Неподальку, у забора дома Бальзака, стоял полицейский, который, казалось, тоже знал всех и был частью этой семьи.

Вот только вроде все ещё разговаривали, смеялись, и, казалось бы, этому не будет конца, но скрипнул железный засов ворот, и наступила тишина, пауза, что означало полное завершение одного действия и начало нового. Одна створка

ворот открылась, и из ворот показалось улыбочное лицо мадам Уду, а за ней и директора месье Пле.

– Бонжур, месье, мадам! – поздоровался он.

– Бонжур! – весело откликнулась толпа.

– Счастливого Рождества! Весёлых каникул! – радостно и торжественно произнёс директор, заняв место снаружи перед закрытой створкой ворот.

Родители хлынули в проход. Справа за этой створкой стояли ученики средних классов, ребята постарше выходили сами, и родители выхватывали их из толпы друзей, за самыми маленькими надо было проходить во внутренний дворик.

Двери класса на первом этаже медленно открылись, из них посыпались дети, как горох из банки незадачливой хозяйки.

– Счастливых каникул, Эктор! Увидимся в следующем году!

– Ха-ха-ха, Аморе́й, ты остаёшься, или вы куда-то всё-таки едете?

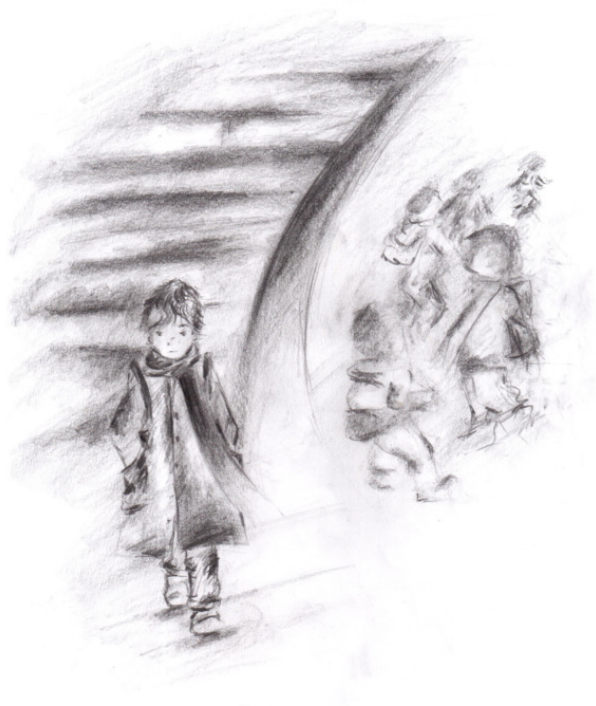
– Нет, я остаюсь, мы никуда в этом году не можем поехать, заболела моя сестра.

– Передавай ей привет. Тогда мы, может, увидимся?

– С удовольствием, ну всё, пока... – и Аморе́й со смехом слетел вниз по лестнице.

– Пока, пока... – слышались голоса детей, прощавшихся на ходу друг с другом.

Шелест курток, стук башмаков о деревянные ступени винтовой лестницы, ведущей вниз, во двор школы. Дети любили с разгона съезжать по её отполированным, с ямкой в середине, деревянным ступеням. При этом частенько случалось, что несколько ребятишек, скользя вниз, сталкивались, и тогда эта лавина, сметая всё и вся на своём пути, скатывалась до первого этажа и вылетала во двор.

Поль не любил таких развлечений, его благоразумный характер подсказывал ему избегать их. Это был мальчик лет десяти, невысокого роста, по сравнению со своими одноклассниками, с серо-зелёными глазами на бледном худощавом овальном лице. Светло-русые густые кудри венчали, как корона, его голову. От своих одноклассников он отличался немногословностью. Нет, он не был молчуном, даже напротив, любил поговорить, но никогда не позволял себе пустой болтовни, как некоторые другие дети. Ему рано пришлось повзрослеть, и ответственность, которая легла на него невидимым ореолом, определяла все его поступки. Несколько лет назад он потерял отца, а мать часто болела. На прошлое Рождество она слегла в постель и с тех пор не вставала. Так что он ходил в школу самостоятельно, да ещё водил туда своего младшего брата Пьера.

Дождавшись, пока все одноклассники освободят лестницу, он медленно спустился во двор. Там его встретили два голубых луча глаз Пьера.

Младший брат был полной противоположностью старшему: круглое пухлое лицо, открытая улыбка. Характер человека, склонного к необдуманым поступкам и никогда о них не жалеющего. Пьер был уверен, что всё делает хорошо, и эта уверенность наполняла радостью его доброе сердце. Если обычно дети имеют ограниченный круг друзей, то с ним было иначе: казалось, что если весь мир войдёт в его сердце,

то и этого будет мало. Он стремился быть другом каждому, и все его одноклассники любили его за возможность сказать: «Пьер – мой друг».

– Поль! Поль! – закричал Пьер через весь двор.

Поль подошёл к той части двора, где у ограды ожидали родителей, старших братьев и сестёр дети младшей группы.

– Поль, сегодня мне нужно написать письмо Пер-Ноэлю! Поль, не забудь об этом, пожалуйста, помоги мне, – тараторил Пьер.

Поль взял его за руку.

– Счастливого Рождества! – попрощались они с мадам До-

миник.

Пьер вытянул губы в трубочку, намереваясь поцеловать её. Все учительницы обожали Пьера. Стоило ему посмотреть им в глаза, и они готовы были разрешить ему всё. Мадам Доминик с удовольствием подставила ему свою щеку и наградила ответным поцелуем.

– Счастливого Рождества, Пьер и Поль, – пожелала она.

Братья, держась за руки, протиснулись сквозь образовавшуюся в школьном дворе толпу к воротам. За воротами школы месье Пле пожимал каждому ученику руку, желал счастливого Рождества и дарил шоколадку в зелёной фольге с названием школы и её символом – изображением орла.

– Счастливого Рождества, Поль и Пьер! – окликнул он братьев.

Они подошли к нему. Он потрепал Поля по плечу, сунул ему шоколадку в руку и участливо посмотрел в глаза. Это был взгляд человека, который всё понимает и хочет тебя поддержать. Так, по крайней мере, Поль воспринял взгляд директора.

– Передавай мои поздравления маме, и пусть она скорее выздоравливает.

– Спасибо, месье!

Затем директор перевёл свой взгляд на Пьера и посмотрел на него строго. Пьер улыбнулся в ответ: он понимал, что это наигранная строгость.

– Счастливого Рождества, Пьер, – и шоколадка оказалась

в руке мальчика.

– Спасибо, месье!

Братья, держась за руки, пошли налево от школы по улице Рейнуар, на углу свернули ещё раз налево, на улицу Аннон-сасьон, и двинулись по ней. Мимо прачечной, мимо скверика у церкви – там частенько дети, которые сами шли из школы, играли в футбол.

Поль недолюбливал эту улицу: на ней находилась церковь, в которой отпевали отца. В тот день стояла такая же солнечная погода, в церкви было множество народа, так что было трудно дышать. Он помнил Пьера, плачущего вместе с матерью, плакал ли он сам, не помнил. Он помнил свои мысли: как могло случиться, что здоровый человек, который ещё вчера был, казалось бы, центром их жизни, вдруг вот так исчез, умер? Разные люди подходили к нему, что-то спрашивали, говорили, но он не помнил ни их слов, ни их лиц, он не любил вспоминать этот день и старался быстрее пройти мимо этого места.

В конце улицы Аннонсьасьон, метров сто не доходя до площади Пасси, шла бойкая предрождественская торговля. С двух сторон улицы лавочники выставили перед своими магазинами столы, на которых можно было найти всё: от разнообразнейших сладостей до детских перчаток для лыж. Эта часть улицы была любимым местом жителей кварталов Пас-

си – Мюет. Мама, пока была здорова, всегда, идя с ними из школы, что-нибудь здесь покупала. Они любили выпить горячего шоколада у кондитера Папаяниса.

– Эй, ребята, скорей сюда! – раздался громкий возглас, перекрывший шум галдящей улицы. – Да-да, это я вам говорю: Поль! Пьер! Идите сейчас же ко мне!

Братья подошли к кондитерской Михаэля Папаяниса, или, как он себя звал, – Михалиса. Перед ними предстал огромный толстяк, самый большой из всех, кого они когда-либо видели. Улыбающееся красное лицо, крупные белые зубы, добрые голубые глаза и зычный голос. Он всегда говорил так громко, что тем, кто его не знал, могло показаться, что он кричит.

Надо отметить, что витрина кондитерской господина Папаяниса была такой же необычной, как и её хозяин. Она словно магнитом притягивала всех проходящих мимо детей и нередко становилась причиной их слёз и капризов. Витрина представляла собой сказочную фабрику, где гномы изготавливали разнообразнейшие пирожные. Всё было сделано так искусно, что дети могли часами не отрываясь любоваться этим зрелищем. Пирожные каждый день появлялись новые и никогда не повторялись. Витрина кондитерской была клубничкой на торте улицы Аннонсьясон да и всего Шестнадцатого округа.

– У вас есть пирожные к Рождеству? – обратился к братьям господин Михалис. Он с напускной строгостью посмот-

рел на Поля и сам же ответил: – Ну что я говорю, конечно нет. А не должно быть так, чтобы у детей не было на Рождество пирожных. Выбирайте любые.

– Спасибо! – радостно выкрикнул Пьер.

Поль тоже поблагодарил добряка, но более сдержанно и слегка придержал руку Пьера, который собирался схватить пирожное.

– Берите-берите, – более настойчиво предложил Полю хозяин кондитерской и спросил Пьера: – Какое тебе больше нравится?

Пьер показал пальцем на эклер, внутри которого виднелся белый крем и алела клубничинка.

– Бери его, – скомандовал господин Михалис.

Пьер с удовольствием схватил его и сунул в рот так, что весь нос и подбородок оказались в креме. Мальчуган закрыл глаза от наслаждения и аж вскрикнул: сладость тающего во рту пирожного заполнила рот. Пьеру хотелось, чтобы это ощущение никогда не кончалось. Приятная энергия прошла по всему телу и вырвалась ярким светом благодарности из его глаз.

– Ах, какой я невнимательный, ай-яй-яй, простите меня, простите... – запричитал господин Михалис и подхватил со стола салфетку, чтобы вытереть нос и подбородок Пьера. Потом он взял за руку Поля, посмотрел ему в глаза и ещё раз сказал: – Не должно быть такого, чтобы у детей не было сладкого на Рождество. Мы были друзьями с твоим отцом – ты помнишь это, надеюсь?

Поль помнил, как они с папой часто заходили к господину Михалису, и всегда у него было очень весело. Тем временем кондитер наполнил пирожными целую коробку и завязал её красивой красной ленточкой. После чего протянул Полю и сказал:

– Счастливого Рождества! И пусть ваша мама поскорее выздоравливает.

Поль взял коробку.

– И вам счастливого Рождества! Большое спасибо! – поблагодарил Пьер, и братья пошли в сторону площади Ля Мюет.

– Какой он добрый, правда, Поль? – спросил Пьер. – Я тоже, когда вырасту, буду помогать всем.

– Да, – согласился Поль. Ему вспомнилось, как отец однажды сказал ему о господине Михалисе: «Он добрый, как умеют быть добрыми только греки». Поль тогда переспросил: «А что, другие не могут быть добрыми?» И отец ответил: «Не то чтобы, сынок, не могут, могут, конечно, но греки умеют делать добро как-то по-особенному!...»

Воспоминания Поля перебил шум улицы. Они подошли к тому месту, где авеню Моцарта выходит на площадь Ля Мюет. Площадь была заполнена людьми и автомобилями. Одна толпа спешила спуститься в метро, другая поднималась оттуда. Поль побаивался этого центра всеобщей суеты, особенно пугала его резко уходящая вниз лестница.

Братья пересекли площадь, миновали ресторан отеля, где в пору раннего детства Полю доводилось часто бывать с родителями и их друзьями. Когда Поль и Пьер оказались на перекрёстке, откуда шоссе Ля Мюет ведёт к парку Ранелаг, а улица Андинье – в кварталчик, где они жили, младший братец жалобным голосом то ли предложил, то ли спросил:

– Пойдём поиграем в парке? – и потянул Поля за руку.

– Нет, нельзя, – не раздумывая, ответил Поль и объяс-

нил: – Мама будет волноваться, если мы задержимся.

– Ну пожалуйста, тебе же тоже хочется, я только разок спущусь с тобогана...

Когда-то этот тобоган Полю казался высоченной горой. Он помнил, как отец раздражался из-за того, что он боялся на него забраться. И ещё помнил страшный чёрный памятник с лисой у ног. Её хвост был так изогнут, что дети любили на нём сидеть. А рядом был пустой постамент. Отец часто ставил на него Поля и говорил: «Когда-нибудь здесь будет твоя статуя – видишь, место уже готово!»

– Нет! – Поль решительно потянул Пьера за руку.

– Осторожней! Ты мне сделал больно!.. – Пьер хотел было заплакать, конечно, не от боли, а от разочарования, но передумал и, подчинившись, пошёл за братом.

Пьер очень уважал своего старшего брата и считал его образцом для подражания, ему льстило, что брат хоть и старше, но дружит с ним, как с равным, они и вправду казались ровесниками. Пьер был крупным ребёнком, и прохожие часто спрашивали, не двойняшки ли они.

Пройдя немного по улице Андинье, они свернули направо, на улицу Консейе Коллиньон. Их дом находился напротив итальянского посольства, охранники которого всегда весело приветствовали братьев:

– Счастливого Рождества, ребята! – крикнули улыбающиеся белозубые итальянцы.

– И вам счастливого Рождества, – сдержанно, но громко

ответил Поль. Детям нравились эти шумные добрые соседи.

Они подошли к чугунной ограде своего дома. Снег на кустах ещё не растаял, и красные ягодки, как стеклянные, сверкали на солнце. Пьер слепил увесистый снежок. Ему нравилось поскрипыванье уплотняющегося снега. Он окликнул итальянцев и бросил белый комок в их сторону. Тот взлетел в воздух, сверкнув на солнце, и звонко шлёпнулся на брусчатку. Весёлый смех, повторяясь эхом, пронёсся по всей улице. Поль открыл железную дверь, ведущую в подъезд, и они вошли вовнутрь.

– Здорово я их напугал, Поль? Ты видел их глаза? – возбуждённым голосом спрашивал Пьер.

– Да, – спокойно ответил Поль.

На голос Пьера выбежала консьержка, молодая филиппинка мадам Лилиг.

– О, я вас ждала, мои хорошенькие дети, – с сильным акцентом сказала она. – Смотрите, что у меня для вас есть... – она протянула завёрнутые в прозрачную упаковку два странных предмета, похожих на кокос.

– Неужели это кокосы? – восторженно спросил Пьер.

– Попробуешь – узнаешь. Такого ты здесь не найдёшь, – с улыбкой ответила она.

Пьер потянулся к ней, чтобы её поцеловать, и она с удовольствием подставила ему щеку. Поль более сдержанно, но тоже с улыбкой поблагодарил консьержку, и она удалась.

– Можно я, можно я? – обратился Пьер к Полю, видя, как тот собирается вытащить ключ, чтобы открыть дверь.

– Нет, держи лучше пирожные, только не тряси и не наклоняй коробку.

Поль передал её Пьеру и только когда убедился, что Пьер хорошо двумя руками держит её, отпустил. Затем сверху он положил филиппинские сладости, повернулся к двери, вставил ключ и открыл её. Когда они вошли, послышался голос мамы из спальни:

– Поль, Пьер, это вы?

– Да, мама, – ответил Поль и уселся на стульчик у двери, чтобы снять ботинки. А Пьер сразу же, с коробкой в руках, кинулся к маме в спальню.

– Тапочки, свинюшка! – крикнул ему вдогонку Поль, но Пьер его не услышал.

Поль переобулся, повесил пальто, взял тапочки для Пьера и направился к маме в спальню. Коридор вёл через кухню. Поль увидел через стеклянную дверь, что на плите стоят готовые праздничные блюда и маленький столик для них с Пьером накрыт. Он подошёл к двери спальни. Хоть она и была открыта, он всё же постучал по ней пальцами – так его приучил отец: не входить никуда без стука. Поль старался соблюдать всё то, чему его учил отец. Так он чувствовал продолжающуюся близость с ним.

– Входи, Поль, – послышался голос мамы.

Поль вошёл в просторную светлую комнату с огромным

окном, смотрящим в сад. Слева от входа всю стену занимал шкаф. Пьер любил затаиться в нём, когда они играли в прятки, зная, что Поль без разрешения в спальню не войдёт. Направо от входа была ещё одна дверь, в ванную, где они с отцом часто купались и играли в морской бой или в подводников. Впереди, напротив входа, была большая мамина кровать. На ней, откинувшись спиной на подушку, сидела мама в халате салатного цвета в обнимку с Пьером, так и не снявшим пальто. Коробка с пирожными лежала на столике рядом с кроватью. Поль бросил к ногам Пьера тапочки:

– На, переобуйся, свинюшка, – строго, но с улыбкой приказал он.

– Мама!.. – завизжал Пьер. – Он меня обзывает.

– Поль, мой дорогой Поль... – мама протянула руки, чтобы обнять его. Сын с радостью бросился к ней и поцеловал. Он очень любил маму, и его мучил страх потерять её. Она обняла обоих мальчишек, прижав их головы друг к другу.

– Как кушать хочется... Что это у нас так пахнет, была мадам Элен? – спросил Пьер, облизывая губы.

– Да, идите умойтесь и перекусите.

Пьер и Поль встали с кровати.

– Вот ещё господин Михалис Папаянис передал пирожные.

– Как мило с его стороны, – сказала мама. – Отнесите их на кухню, пожалуйста.

Поль отнёс коробку на кухню и направился в их с Пьером комнату. Посреди неё валялись башмаки и пальто.

– Пьер, – умоляющим голосом протянул Поль.

Пьер высунулся из ванной комнаты:

– Я умываюсь.

– Убери сначала свои вещи!

Когда, наконец, порядок был восстановлен, братья отправились на кухню. Там их ожидало тёплое пюре, рыба и пудинг. Ребята с удовольствием поели.

– Поль, ты сможешь мне написать письмо Деду Морозу? – заискивающе спросил Пьер.

– Тебе уже пора самому писать свои письма.

– Я могу наделать ошибок, и тогда моё письмо не поймут

и пришлют мне не то, что я попрошу! Пожалуйста, ты ведь мой лучший друг...

– Хорошо, хорошо, – сказал Поль. Он знал, что если Пьер начнёт приставать, то не отстанет, пока не добьётся своего.

– А ты сам написал письмо?

– Нет.

– Почему же?

– Потому что никакого Деда Мороза не существует.

– Не говори так! – возмутился Пьер. – А то он обидится и больше к нам не придёт. Разве ты не помнишь, как он приходил к нам в прошлом году? Помнишь?

«Но у него на руке почему-то были дедушкины часы», – подумал Поль, а вслух сказал:

– Помню, помню... – он не хотел лишать младшего брата веры в Рождество.

Они встали из-за стола и вернулись в свою комнату. Она представляла собой большой прямоугольник, по двум сторонам которого стояли две кровати в виде медвежат и два письменных стола. Слева в углу большой шкаф с вещами, посреди комнаты широкий ковёр, напротив входа, почти на всю стену, стеклянная дверь, ведущая в сад. Летом она почти всегда была открыта, и от этого комната казалась ещё просторнее.

Поль уселся за стол, взял из тумбочки бумагу, карандаш и приготовился писать, но ему захотелось поспать после обеда...

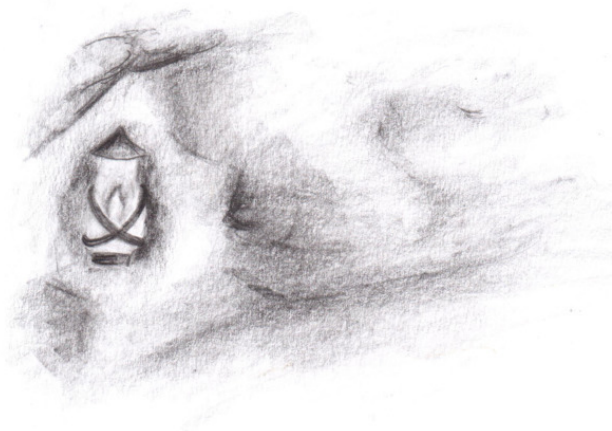
А Пьер улёгся на свою кровать, закинув нога на ногу, и начал крутить волосы у виска. Он делал так всегда, когда о чём-то мечтал.

«Дорогой Дед Мороз!..» – пересиливая себя, начал писать Поль. Но тут усталость медленно сковала сперва его глаза, а затем и голову. Пьер что-то ему сказал, но Поль его не слышал.

– Дорогой Дед Мороз, – произнёс вслух Поль ещё несколько раз, как заклинание...

Вдруг он смял бумагу, выскочил из комнаты, накинул башмаки и пальто и выбежал из дома. На улице уже было темно.

Глава 2. ВОЛШЕБНАЯ ЛУПА

– Аристос! Аристос! Где же ты, сколько можно тебя звать?..

Голос раздался из глубины тёмной каменной комнаты. Там, под светом нескольких лампад, согнувшись над столом, сидел в деревянном золочёном кресле Великий Магистр гномов, хранитель мудрости Хоох Первый. Уже несколько дней он что-то искал среди свитков большой библиотеки, не общаясь ни с кем, кроме своего любимого ученика.

Они перечитали не одну сотню манускриптов. Свитки лежали повсюду: на столе, на стульях и даже на полу.

– Что ты копаешься? Сколько тебя ждать?

– Кажется, я нашёл его, – сказал молодой гном, протягивая свиток.

– Если бы ты внимательно слушал и точно следовал моим указаниям, то не искал бы так долго. Я же всё подробно тебе объяснил, – упрекнул его старый хранитель.

На самом деле, он любил этого молодого гнома с юношеской козлиной бородкой, голыми щеками и горящими от любви глазами. Тот относился к Магистру как почтительный сын. Старик и вправду заменял ему отца. Когда родители малыша вместе с множеством других гномов погибли в штольне, которую обрушили гномы чёрного клана, другие кланы взяли на воспитание оставшихся сирот. Самого слабого из них вырастил Великий Магистр. Он дал ему имя Аристос, что означало «отличный» или «успешный». Ведь как корабль назовёшь, так он и поплывёт.

Внимательно рассмотрев свиток, Магистр воскликнул:

– Молодец! Это именно то, что мы искали. Смотри: тут печать первого Великого Магистра, тогда ещё он сделал пояснение к пророчеству, оно вот-вот должно сбыться. Время, отпущенное нашему миру, на исходе, – задумчиво произнёс как бы про себя Великий Магистр, – мир не будет уже никогда таким, каким был, всё изменится, семя погибнет, и из него вырастет дерево, что принесёт множество плодов! Мир исчезнет, как сон, а мы проснёмся и увидим новую жизнь.

– Что всё это значит? – спросил испуганно ученик.

– Сложно понять, что будет за дверями смерти, пока ты туда не проникнешь.

– Мы все погибнем? – спросил Аристос.

– Нет, – задумчиво протянул Хоох, – но мы должны понять, каково наше место в новом мире. Ведь когда изменяется мир, то меняется и назначение вещей, и определить это назначение – вот ответственность, лежащая на магистрах.

– Это как отправиться в путешествие на другой конец света? Что там ждёт странника, никто не знает, сложно понять сегодня, что будет завтра. Важно подготовиться расстаться с тем, что мы имеем, чтобы принять то, что нам будет дано, кем будет дано, от кого, что именно нам будет дано.

– Довольно, – прервал Магистр ученика. – Берём эти свитки, – он указал на несколько отложенных на столе и тот последний, который ученик ему только что принёс. – У нас осталось несколько дней до великого собрания, а ты знаешь, как упрямы эти гномы. Мы должны собираться в путь, я немного отдохну перед дорогой, а ты собери всё необходимое.

Аристос подал старику руку и помог подняться из кресла. В нескольких шагах в углу стояла небольшая кровать. Она походила на большой прямоугольный сундук, поверх крышки которого было расстелено несколько одеял из верблюжьей шерсти, а у стены лежала небольшая подушка, набитая внутри пшеном. Магистр редко спал здесь, в основном он засыпал сидя в кресле, опираясь на стол руками, но в этот раз

ему нужны были силы – ведь им предстояла дальняя дорога. Аристос бережно уложил старика, укрыл ему ноги одеялом и тихонько вышел из комнаты. Он не в первый раз путешествовал с Великим Магистром и знал, что тот не любит, когда у них с собой много вещей, но в то же время всё нужное должно оказаться под рукой.

Пришло время, и ученик тихо вошёл к комнате, где отдыхал Великий Магистр, по обыкновению он взял его за стопу, так с детства он будил своего учителя, а учитель знал, кто к нему пришёл.

– Ну что, всё готово? – послышался голос Хооха. – Ты взял мой посох и королевскую корону?

– Да, учитель.

– Эта корона была передана первому Великому Магистру от последнего короля мирно и добровольно, во исполнение пророчества о прекращении власти силы и переходе к власти мудрости. Она хранится нами, гномами, для напоминания, что когда-то и власть магистров закончится. Чтобы тогда они проявили подобное смирение, не забывая, что всё в этом мире бrenно и преходяще, лишь честное имя сохраняется сквозь века.

Эту историю Аристос знал наизусть. Великий Магистр рассказывал её каждый раз как будто впервые, когда брал его с собой на собрание магистров. Ученик это относил к возрастным причудам своего учителя.

– Ты знаешь, зачем я тебе каждый раз рассказываю эту ис-

торию? – вдруг, как будто прочитав мысли Аристоса, спросил тот.

– Да, – тут же, не подумав, ответил ученик.

– Ну-ну, зачем же? Скажи мне, выжившему из ума старику.

– Чтобы мы помнили и чтили предков.

– Это само собой. Я же повторяю её вновь и вновь, чтобы, оставаясь хранителем короны, не забывать о том, что она не моя и что власть наша не от силы принуждения к послушанию, но от смирения перед мудростью как источником знания. И я, Хоох Первый, всего лишь её хранитель. Надеюсь, ты достаточно умён, чтобы понять то, что я сейчас тебе сказал?

– Ну да, я понял, что тот, кто хочет пить, сам ухаживает за колодецем.

– Что-то ты разумничался, ну-ка, помоги мне встать, – протянув руку, недовольно произнёс учитель, хотя про себя порадовался смущённости ученика. Не зря он тогда взялся за его воспитание.

Аристос помог учителю встать, накинул ему на плечи походный плащ, подал в руку посох, уложил корону и пять свитков в сумку, и они вышли из комнаты. Оказались в коридоре великой библиотеки. Аристос взял лампу, висевшую снаружи у двери. По ней другие гномы определяли, что хозяин комнаты у себя.

– Оставь её, пусть никто не знает, что мы вышли, – распорядился Магистр.

Аристос повесил лампу на место. Учитель приложил палец к губам, подавая знак спутнику молча следовать за ним.

Они прошли два лестничных пролёта вверх и оказались в начале большого коридора, ведущего из одной башни в другую. В нескольких шагах от них билась об стену рама

открытого окна. Ученик хотел было закрыть его, но Магистр дал знак не делать этого и начал простукивать камни пола, шепча:

– Он должен быть где-то здесь...

И вправду один из камней гулко отозвался на стук посоха.

– Помоги мне вынуть его, – приказал старик.

Аристос попробовал ухватить камень ногтями, но ничего не выходило. Он вынул короткий карманный нож. Учитель нажал посохом на один из углов камня, и другой уголок выскочил из паза. Ученик ловко подцепил камень лезвием ножа, и вдруг пол в этом месте раздвинулся так, что они оказались над пропастью. Где-то внизу сверкала и шумела подземная река Актум-Саак.

– Как же мы спустимся? – испуганно спросил ученик.

– Если есть проход, то должна быть и лестница, – ответил Магистр, снова подавая ученику знак соблюдать тишину.

Тот заглянул в отверстие и действительно увидел лестницу. Это были массивные каменные ступени снаружи, встроенные в кладку стены башни и ведущие по спирали вниз. Скинув походную сумку и дорожный плащ, он поставил свой посох поперёк отверстия и, держась за него как за турник, стал ногами нащупывать ступени.

Когда он убедился, что ноги его нашли твёрдую опору, то подал знак учителю. Тот сбросил ему его сумку и плащ.

В этот момент учитель слышал чьи-то шаги на лестнице, по которой они поднимались прежде. Похоже, кто-то шёл

вслед за ними!

– Где же он? Что так долго копается? – нетерпеливо про- бурчал старик.

Внизу показалась улыбающаяся физиономия Аристоса. Он сделал приглашающий жест рукой, и Магистр, сев на пол, свесил ноги в проём, а затем передал ему тот камень, что по- служил им ключом. Ученик взял его и опять пропал.

Шаги слышались всё отчётливее. Голова Аристоса нако- нец мелькнула в отверстии и кивком дала знать учителю, чтобы тот опустил его на плечи. Учитель заколебался: вы- держит ли ученик, но звуки чужих голосов как плёткой под- стегнули его принять решение. Став на плечи Аристоса, он передал ему лежавший поперёк проёма посох и взял у него камень.

Ученика шатало от тяжести учителя, вдобавок длинню- щая борода щекотала нос и рот. Магистр попытался вставить камень на место, но тот выскользнул у него из руки. Он лов- ко сдвинул носки закруглённых башмаков, и камень, стук- нувшись о голову Аристоса, остановился на носках туфель учителя.

– Ах! – вскрикнул ученик.

– Т-с-с... Прости, подай мне его быстрее.

Шаги слышались всё ближе и ближе. Ученик протянул вверх руку с камнем и встал на цыпочки, чтобы учителю лег- че было вставить камень на место...

Учитель, упёршись в голову ученика, изо всей силы на-

давил на камень, и тот, наконец, занял своё место в полу. Проход закрылся так же бесшумно, как и открывался. Истратив последние силы, старик всей своей тяжестью опустился на шею и плечи Аристоса. Тот, не выдержав, упал на колени, так что учитель оказался на своих ногах. Только ученик хотел было начать кряхтеть да жаловаться, как пухлая большая ладонь закрыла ему рот и нос, так что он не мог не то что говорить, но даже дышать.

– Вот здесь я слышал шум, – раздался голос прямо над головами беглецов. Кто-то стучал каблуками по полу. Тут в открытом окне появилась уродливая гномья рожа. Казалось, что она смотрит прямо на них, но нет, гном их не увидел за поворотом наружной стены башни. Мерзкая физиономия скрылась.

– Тише! – Магистр убрал руку с лица Аристоса.

Медленно по ступеням, нависавшим над пропастью, они спустились к основанию башни и оказались на берегу подземной реки, ведущей сквозь горы к Залу Собраний.

Едва отдышавшись, Аристос воскликнул:

– Я узнал его! Это был наш новый архивариус. Что ему от нас надо?

– Когда мы искали свитки, – объяснил Магистр, – он всё пытался выведать, что же мы хотим найти. Я сказал, что мы ищем старинный рецепт превращения сплава свинца и ртути в золото, но, похоже, он не поверил.

Аристосу стало ясно, к чему были такая поспешность и та-

инственность при их исходе из великой библиотеки.

Недалеко от башни находилась пещера основателя письменности и библиотеки, первого магистра гномов Чараша. Они вошли туда. Гномы поддерживали тут такой порядок, будто обитатель пещеры только что вышел из неё. Аристос нашёл лампаду, бочонок с маслом, заправил её и зажёл.

– Теперь мы можем идти, – сказал он учителю.

И они двинулись в путь. За два дня они планировали добраться до своей цели. Аристос, как и любой молодой гном, мог бы преодолеть это расстояние за день, но Великий Магистр был уже слишком стар, поэтому им придётся часто останавливаться и ночевать в пути.

Русло подземной реки представляло собой один из множества проложенных вулканом каналов. В зависимости от погоды снаружи уровень воды то повышался, затопляя берег, то понижался, обнажая ведущую вдоль берега широкую тропу. По ней и шли весь день путники.

– Вот он, – впервые после долгого молчания произнёс учитель, указывая рукой на придорожный камень. – Ты знаешь, что это?

Аристос знал, но не стал перебивать учителя.

– Это Камень Пророчеств. На нём записана вся прошедшая и предстоящая история. Это первая и величайшая святыня. Видишь эти узоры? Почти никто уже не умеет их читать. Ну-ка, попробуй ты...

Секрет чтения надписей на древнем языке гномов состоял в том, что читать надо было вслепую, так как в подземельях тогда ещё не пользовались лампадами. Надо было пом-

нить порядок движений ребром ладони по узору, и только так можно было понять надпись. Конечно, Великий Магистр научил своего ученика пользоваться древним письмом.

– Мы тут отдохнём. Тебе надо будет перерисовать все узоры с двух сторон. Кто знает, что нас ждёт.

– Хорошо.

И Аристос принялся готовить ночлег.

За камнем была небольшая ровная площадка. Там он расстелил одеяла, вытащил из сумки припасённую еду – сушёную рыбу да хлеб с зеленью. За несколько дней до ухода учитель велел ему откладывать одну треть из еды, что давали на кухне для гномов библиотеки, так, чтобы никто не заметил.

Когда всё было готово, они приступили к трапезе. Учитель разделил рыбу и хлеб, и они с аппетитом всё съели. После целого дня пути голод делает любую еду невероятно вкусной.

– Смотри язык не проглоти! – пошутил учитель, и они оба рассмеялись, а вскоре улеглись спать.

Аристосу приснился тревожный сон. Он проснулся в холодном поту и взглянул на учителя. Тот спокойно спал.

Он подошёл к реке. Она мирно несла свои воды куда-то вдаль. Окунул лицо в тёплую воду. Ласковая вода, как материнские руки, согрела лицо и расслабила все мышцы. Он успокоился, встал, посмотрел на камень. Вода бликами осве-

щала узоры. Эта картина завораживала. Некоторое время он стоял и любовался ею. Ученик вспомнил, как учитель часто говорил, что работа – лучшее лекарство от беспокойства. Он взял чистый свиток бумаги и начал зарисовывать узор. Когда он почти уже закончил, послышался кашель Великого Магистра. Он подошёл к нему и поднёс стакан воды.

– Спасибо! Ты уже встал, мой мальчик?

– Да, я уже почти закончил срисовывать узор с камня.

– Ты молодец, но всё же тебе стоило бы хорошенько отдохнуть.

– Страшный сон меня разбудил.

– А, ты тоже его видел?

– Да! – воскликнул Аристос. – Это вы о демоне?

– О нём. Чего он хотел от тебя?

– Но это же сон, это не по-настоящему?

– Сон, конечно, но демон настоящий. Он бродит и ищет тех, кто бы согласился ему служить.

– Да, да!.. Он так и сказал: «Служи мне».

– И что ты ему ответил?

– Я сказал, что служу премудрости в лице своего учителя, и он очень разозлился и угрожал мне.

– В конечном счёте он ничем не может навредить никому самостоятельно, но беда, если находится глупец, что соглашается на его уговоры. Тогда неясно, кому хуже: тем, кто встречается его, или самому обманутому глупцу. Ведь тот уже и сам не властен над собой.

– А есть такие, что соглашаются? – спросил Аристос.

– К сожалению, есть. Например, тот архивариус. Уловки этого лжеца известны. Он сулит деньги, власть, удовольствия, но при этом делает человека своим рабом, а какое удовольствие или власть могут быть у раба? Вот и получается обман. Лучшее средство от тьмы – это свет, а от обмана – любовь к истине. Вот так, сынок, ты прошёл ещё одно испытание в своей жизни. Ну, давай заканчивай свою работу – и в путь. К вечеру мы должны поспеть на великое собрание.

Аристос, радостный, продолжил свою работу. У него не выходили из головы слова Великого Магистра: «Сынок, ты прошёл ещё одно испытание в своей жизни». Словом «сынок» магистр называл его только в минуты наивысшего одобрения.

Он быстро завершил работу и показал Магистру.

– Да ты мастер! – восхитился тот. – Ты всё это нарисовал, не прикасаясь к камню, а только глядя на него?

– Да.

– Истинно ты превзошёл своего учителя, – Магистр отдал ему поклон.

– Что вы, что вы!.. – Аристос пал на колени, и слёзы радости потекли из его глаз. – Всё, что я знаю и умею, – всё это только благодаря вам.

– Ну ладно, ладно, – удерживая слёзы и обняв двумя руками, учитель поднял его с колен. – А то мы тут похожи на двух кумушек, что давно не виделись. Давай собираться в путь.

Часа через два по туннелю пронёсся странный грохот, а ещё минут через тридцать вода в реке помутнела

на несколько минут и снова стала прозрачной.

– Что бы это значило? – спросил ученик.

– Это значит, что нам пора поторапливаться.

Ещё часа через два пути послышался шум, как будто кто-то их преследовал.

– Надо спешить, – сказал уже с тревогой Магистр и сделал знак ученику, чтобы тот помог ему. Когда тот подошёл, учитель, не останавливаясь, шепнул ему на ухо: – Возможно, тебе придётся идти одному. Я приду позже. Нам нельзя опаздывать на собрание, а нас могут попытаться задержать. Слушай меня внимательно: ты должен будешь прочитать пророчества, те пять свитков, ты должен их сохранить, и ещё тебе придётся надеть корону. Скажешь, что я её сам тебе отдал, понятно?

– Нет! – вскрикнул ученик. – Я вас не оставляю.

– От этого зависит будущее всего гномьего народа.

– Нет, – твёрдо повторил Аристос. – Будущее не может строиться на предательстве. Я вас не брошу.

Магистр понял, что спорить бесполезно.

Позади уже можно было различить трёх или четырёх гномов, преследующих Магистра и его ученика.

Аристос ускорил шаг, но расстояние между ними и погоней неумолимо сокращалось. Ещё чуть-чуть, и они добежали до поворота, где к подземной реке подходил ещё один коридор, и спрятались за угол развилки.

Аристос огляделся. Невдалеке виднелась маленькая пе-

щерка. Он направился к ней, завёл внутрь Великого Магистра и сказал:

– Не шевелитесь! Я попытаюсь их отвлечь.

Он сбросил сумку и плащ, взял покрепче посох и затаился за углом поворота.

Шаги приближались. Сердце Аристоса колотилось так, что, казалось, стук его разносится эхом по туннелю, заглушая шум реки.

«Пора!» – решил он и с посохом в руке, издав воинственный крик, выбежал из-за угла.

В ответ тоже раздались крики, но не враждебные, а приветственные. Со стороны, противоположной той, откуда беглецов настигали преследователи, приближалась большая группа гномов, около пятидесяти. Аристос понял, что это гномы дружественного голубого клана. Он вернулся в пещеру, где оставил Великого Магистра, обнял его и сказал:

– Мы спасены.

Старец заплакал:

– Я уже думал, мы больше не увидимся.

Так их застали обнимающимися и плачущими подошедшие гномы и их магистр Бэра. Они поклонились Великому Магистру, никто не посмел задавать никаких вопросов, и вся группа двинулась в сторону Дворца Собраний. Через некоторое время к ним присоединились и гномы красного клана. Вскоре перед ними предстало громадное сверкающее подземное озеро, в середине которого, вдалеке, виднелся Дво-

рец Собраний, упиравшийся своим куполом в верхний свод огромной пещеры.

Там, где река сливалась с озером, дальше идти пешком было невозможно, и на этом месте были устроены маленькие причалы, где ждали многовёсельные цветные лодки. Лодка для Великого Магистра была сине-золотого цвета. Капитан, поклонившись, предложил подняться на его судно. Они сделали это с нескрываемой радостью. Когда они устроились, капитан приказал матросам принести питья и еды пассажирам, а сам, спросив разрешения, отправился в путь.

Это была самая приятная часть путешествия. Спокойная гладкая вода озера, поскрипывание вёсел. К Дворцу Собраний подплывали одновременно несколько судов с разных сторон – делегаты и магистры от семи гномьих народов.

– Последний раз они собирались тут лет тридцать назад на празднование Рождества – не так ли, капитан? – спросил Великий Магистр.

– Если быть точным, то тридцать три года, – ответил тот.

Вот они пристали к причалу дворца. Флаги семи цветов семи кланов украшали стены и холлы. К пристани одно за другим швартовались суда с делегатами. Когда все магистры оказались в сборе, Великий Магистр обратился к ним с приветственной речью:

– Ровно тридцать три года назад мы все собрались тут на Рождество и радовались началу нового мира, и вот сейчас, по древнему пророчеству, наступило время исполнения.

Сегодня вечером я приглашаю вас в Зал Собраний: и магистров, и всех представителей гномьего народа, а теперь позвольте нам удалиться, чтобы немного отдохнуть и подготовиться к нашему собору.

Магистр сделал знак рукой, гномы молча поклонились и разошлись в приготовленные для них палаты, каждый согласно своему цвету. Магистра и его ученика проводили в отведённые им покои. Они оказались в большом светлом холле. На стенах горели светильники удивительно тонкой работы. Широкие полукруглые проёмы были скрыты занавесками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.